

Утрѣ... Лѣтнее утро. Солнце высоко поднялось изъ-за лѣса и своими золотыми лучами освѣтило роскошные луга... Роса милліонами искръ сіяла и горѣла на лепесткахъ цвѣтовъ и травы, золотистыя пчелки весело жужжали надъ цвѣтами... Птицы пѣли гимнъ Творцу... Лѣса благоухали ароматомъ... Крестьяне трудились на поляхъ... Рѣки блестѣли серебромъ... И дали синѣющія, дали манили къ себѣ каждого, кто хотѣлъ жить... И все здѣсь и жило и наслаждалось жизнью и люди, и животныя, звѣри и птицы... А въ городѣ было не то. Душно и тяжело. Дымъ и пыль смѣшались вмѣстѣ и носились въ воздухѣ.

Въ комнатѣ Сидора Петровича Кашеева было тяжко. Царилъ полумракъ. На столѣ кипѣлъ ведерный самоваръ. Въ переднемъ углу предъ иконой теплилась массивная вызолочная лампада. У карниза потолка въ сѣтку паутины попала муха; паукъ съ жадностью набросился на нее и сталъ высасывать изъ нея кровь... Бѣдная муха, билась, испуская пронзительный звукъ, сиюсь вырваться изъ лапъ своего мучителя. Но усилія ея были тщетны. Паукъ такъ ловко опеленалъ свою жертву тонкими сѣтями, что никакая сила не могла спасти ея отъ гибели. И паукъ торжествовалъ чувствуя побѣду надъ слабымъ... Долго билась бѣдная мушка, наконецъ выбилась изъ силъ и голось ея изъ рѣзко пронзительнаго, сталъ рѣдкимъ и тихимъ. Наконецъ голось ея совсѣмъ затихъ и она перестала биться. Паукъ видя, что жертва, вверхъ и готова, быстро поднялся спратался въ гнѣздѣ... Откуда вновь насторожилъ свои зоркія глаза, поджидая новую жертву... А внизу за столомъ сидѣлъ мужчина лѣтъ пятидесяти, плотнаго тѣлосложенія съ краснымъ, припухшимъ лицомъ, съ выпуклымъ брюхомъ,

брови его были нахмурены, онъ видимо чѣмъ-то былъ растроенъ.

Визгъ мухи и продѣлки паука онъ не замѣчалъ, ему было не до того.

Вдругъ онъ всталъ, взялъ счеты и началъ, не торопясь, перекладывать косточки, приговаривая вслухъ:

— Я отдалъ ему бумаги подъ закладную дома на пять тыщъ всѣ, по номинальной цѣнѣ, т. е. по тыщи рублей каждая, а покупалъ я ихъ по 660 рублей за штуку, это выходитъ польза съ каждой тыщи 340 рублей, да процентовъ съ каждой тыщи сто двадцать рублей, всего выходитъ чистаго барыша четыреста шестьдесятъ рублей польза хорошая почти что сто на сто враздумьи проговорилъ онъ про себя, и лицо его просіяло, глаза замаслились, брови приняли обыкновенное положеніе. Онъ ловко смахнулъ жирной рукой косточки и отодвинувъ счеты въ сторону принялся за чай. Онъ не торопясь налилъ чаю, мелко щипчиками накололъ сахару, сблизалъ кро-

шки прилипшаго сахару съ пальцевъ, широко перекрестился и поднесъ къ губамъ блюдечко съ чаемъ.

Въ это время въ дверь кто-то постучался.

Войдите! сухо и отрывисто проговорилъ Кащеевъ.

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ пожилой человѣкъ, измученный и утомленный на видъ.

Гость робко поздоровался съ Сидоромъ Петровичемъ и всталъ почтительно къ сторонкѣ.

— А это, вы Ивановъ,—какъ-бы очнувшись проговорилъ Кащеевъ,—а я только что про васъ думалъ подсчитывая вашъ должекъ.

Вотъ и отлично, что пришли а, я было хотѣлъ ѣхать къ судебному приставу...

Гость замялся... Изъ рукъ его выпала перыжелая старая фуражка, и онъ смущенно проговорилъ:

— Нѣтъ, Сидоръ Петровичъ, ужъ вы того, повремените. недѣлку, другую, я вамъ заплачу. Видитъ Богъ нѣту, жена померла, сына похоронилъ, да еще пятокъ, одинъ одного меньше на рукахъ остались, а тутъ еще на грѣхъ, покража случилась, ужъ вы будьте такъ добры, отложите продажу-то, не розоряйте, пожалейте хоша малыхъ ребятишекъ .. При этомъ Ивановъ опустился на колѣни и упалъ Камсееву въ ноги.

— Нѣтъ, Ивановъ, вы такъ говорите, когда съ васъ деньги спрашиваешь. Я ждать больше не могу, потому мнѣ самому деньги нужны до зарѣзу. Мнѣ хоть умрите, но достаньте денегъ, а иначе я не могу, придется вашъ домикъ пустить въ торговъ. У васъ вотъ нужда, а у меня вы думаете нѣтъ, у меня побольше вашей этой нужды-то. Вотъ за вами гуляетъ пять тыщъ, за Петровымъ десять, за Карповымъ двадцать и всѣ просятъ

подождать... Вѣдь такъ съ вами по міру пойдешь! Нѣтъ больше ждать не могу, какъ хотите, сейчасъ ѣду къ приставу!

Сидоръ Петровичъ порывисто всталъ со стула, на его жирномъ брюхѣ блеснула толстая золотая цѣпь...

— Марфа, дай мнѣ пальто? Кашеевъ поспѣшно одѣлся и хотѣлъ было уходить, но въ прихожей чьи-то слышались шаги.

Самоваръ, какъ бы въ предсмертной агоніи порывисто пищалъ: паукъ, паукъ, паукъ! А вверху новая муха попала къ пауку въ сѣти и пронзительно завизжала паукъ съ прежней жадностью бросился на жертву.

Ивановъ опечаленный ушелъ отъ Кашеева, а предъ Кашеевымъ сидѣлъ уже другой человекъ.

— Вы говорите, домикъ вашъ нигдѣ не заложенъ?

Такъ точно, Сидоръ Петровичъ, нигдѣ.

— Только у меня условія такія: бумаги по номинальной цѣнѣ, проценты за два года впередъ, двѣнадцать годовыхъ, за комиссію два процентика, это ужъ со всѣхъ такъ, по Божьи...

Гость сидѣлъ и морщился, наконецъ собравшись съ духомъ онъ проговорилъ:

— А что же мнѣ отъ вашихъ денегъ останется?

А ужъ это дѣло не мое, не выгодно не берите.

— Да вы сочтите, Сидоръ Петровичъ, вы, допустимъ, мнѣ дадите тысячу рублей, ваша бумага стоитъ только шестьсотъ рублей, процентовъ за два года двѣсти сорокъ рублей, остается триста шестьдесятъ да сорокъ рублей еще вамъ отдать за комиссію, остается отъ тысячи триста

двадцать рублей только... Такъ ничего не выйдеть Сидоръ Петровичъ.

— Э, да вы еще разговаривать стали? Вы цѣны деньгамъ не знаете, теперь за рубль пять даютъ кому нужно, а я только два беру, а вы еще не довольны. Вонъ!

— Посититель, какъ ужаленный вскочилъ со стула...

— Что вы, Сидоръ Петровичъ, выручите? взмолился бѣдняга.

— Вонъ!!! ревелъ Кашеевъ, — у меня для такихъ умниковъ денегъ нѣту... Пришелъ съ нуждой, да еще учитывать меня сталъ, ишь какой умный выискался... Своихъ бы нажилъ, да такъ бы и учитывалъ,... а то чужія-то можно считать... Голтяпа этакая... Не унимался Кашеевъ ходя изъ угла въ уголь... А паукъ вверху дѣлалъ свое дѣло, онъ доканчивалъ новую жертву, та бѣдная билась и жалобно визжала... Но спасенія не было...

Кашеевъ сѣлъ на старый табуретъ, тотъ зашатался и заскрипѣлъ: паукъ, паукъ, паукъ...

Ивановъ отъ Кашеева пришелъ домой... Въ квартирѣ его было темно и грязно... ребятишки ходили и ползали по полу... Онъ опустился на стулъ и задумался... Въ головѣ его роились не веселыя мысли: жена умерла, сынъ Вася тоже, на котораго я возлагалъ всѣ мои надежды, учился онъ хорошо, мальчикъ онъ былъ тихій, скромный, умный...

— Да, хорошіе должно-быть и Богу нужны? — Какъ-то не важно вырвалось у него изъ груди и онъ тяжело вздохнулъ. Дѣтишки взглянули на отца и видя его печальное лицо, какъ-то сжались, ушли въ себя, какъ улитки и тихо притаились...

— Что вы, мои сироты... Плохо намъ... Какъ-то несвязно проговорилъ отецъ и

заплакалъ. . Ребятишки, глядя на отца тоже принялись плакать...

— Сегодня насъ изъ этого гнѣзда выгонятъ... выгнать паукъ проклятый... Обобралъ и выгнать... Дѣти слыша это еще пуще залились слезами...

— Марфуша, поди сходи въ аптеку купи на гривенникъ нашатырнаго спирту, что-то голову больно, хочу понюхать.

Марфуша двѣнадцатилѣтняя дочка Иванова мигомъ надѣла на себя худое пальтишко и побѣгла въ аптеку.

— Все равно. . Махнулъ Ивановъ рукой облачиваясь на столъ, — двухъ смертей не быть, а одной не миновать... А эти крошки; развѣ они виноваты? Мелькнуло у него въ головѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не надо, буду жить, работать... Богъ дастъ, какъ-нибудь оправлюсь... Бормоталъ Ивановъ, смахивая бѣжавшія по щекамъ слезы.